

Z. A. YUSUPOVA

THE KURDISH DIALECT
GORANI

as represented in the literary monuments
of the XVIII—XIX centuries

З. А. ЮСУПОВА

КУРДСКИЙ ДИАЛЕКТ
ГОРАНИ

по литературным памятникам
XVIII—XIX вв.

St. Petersburg
“Nauka”
1998

Санкт-Петербург
«Наука»
1998

ББК 81-67
Ю 91

*Светлой памяти
Иосифа Абгаровича Орбели*

Ответственный редактор
Л. Г. Герценберг

З. А. Юсупова. Курдский диалект горани по литературным памятникам XVIII—XIX вв.

Монография содержит системное описание одного из малоизученных диалектов курдского языка — горани, который на протяжении нескольких столетий являлся литературным языком Восточного Курдистана. Работа построена на материале письменных памятников курдской классической литературы XVIII—XIX вв. Она состоит из исследовательских глав по фонетике, морфологии, синтаксису и глоссария.

На основании морфологического и синтаксического анализа автор решает вопрос о статусе горани, который отнесен к одной из групп южных курдских диалектов.

Без объявления
ISBN 5-02-028401-7

© З. А. Юсупова, 1998

ВВЕДЕНИЕ

Общие сведения

Горани входит в южную группу курдских диалектов, охватывающих собою обширный языковой массив современного Иранского и Иракского Курдистана.

По официальным данным конца прошлого столетия, представленным, в частности, комиссией по персидско-турецкому разграничению, — «Гораны племя, почти оседлое, и более других курдских племен подчиненное персидскому правительству. Гораны живут в окрестностях Сенне, в Аврамане, в Мериване, в Джаванруде, в Зохабском округе попеременно с другими курдами» [17, с. 82]. Согласно сведениям современных авторов, на горани в настоящее время говорят в районах между городами Керманшах, Сенне и Пенджвин, в Иранском и Иракском Аврамане, а также — в округе Халабджа [47, с. 68].

На диалекте горани, некогда имевшем статус литературного языка значительной части Восточного Курдистана, имеется многовековая письменная литература, представленная памятниками лирической и эпической поэзии, а также религиозными сочинениями, составляющими неотъемлемую часть духовного наследия курдов. Как свидетельствуют источники, диалект горани «уже с XIV века был языком развитой художественной и религиозно-дидактической литературы» [1, с. 12]. Самые ранние из дошедших до нас письменных памятников на горани датируются X—XII вв. [там же, с. 27].

Часть обширной религиозной литературы на горани, включающей и прозаические сочинения, связана с известным мусульманским учением «Ахли хак» («Люди истины»), которое было широко распространено среди курдов-горанов. Этой литературе посвящены труды известных востоковедов — В. А. Жуковского, В. Ф. Минорского, В. А. Иванова и М. Мукри.

Особого расцвета поэзия на горани достигла при правителях Ардаланского эмирата, просуществовавшего, как известно, шесть с по-

ловиной веков (с конца XII—до середины XIX в. [3]. При ардаланском дворе возникали литературные центры, объединявшие поэтов, писавших на горани, складывался литературный язык [1; 12]. В Британском музее хранится рукопись антологии двадцати семи горанских поэтов, составленная в 1783—1785 гг. неким курдом из Сенне — Абдул Мунином. С именами этих поэтов можно ознакомиться в статье В. Ф. Минорского «Гораны» [33, с. 92—93].

О существовании богатой традицией светской и религиозной литературы на горани свидетельствуют и опубликованные каталоги курдских рукописей, составленные специалистами по курдской литературе М. Б. Руденко [11] и Камалом Фуадом [26].

Большая заслуга в публикации литературных памятников на горани принадлежит курдским ученым Ирака, усилиями которых за последние десятилетия изданы поэтические сборники (диваны) — Маулави [44], Вали Девана [48], Факе Кадири Хамаванд [49], Ранджурри [45], Джафаи [43], романтическая поэма «Ширин и Хусрав» Ханай Кубади [51] и др.

Первые издания рукописных памятников религиозного содержания принадлежат М. Мукри [35—38]. Им же опубликована и рукопись фольклорной версии поэмы «Бижан и Маниджа» на горани [34].

История изучения горани

Первые сведения по грамматике горани были опубликованы в 1881 г. английским ученым Ч. Рьё в его описаниях трех горанийских рукописей, хранящихся в Британском музее [40]. Составленный этим автором краткий грамматический очерк дает общее представление о горани, который, однако, воспринимается им как близкий к персидскому языку, что можно объяснить общими представлениями того времени в иранистике.

В 1887 г. была опубликована статья известного русского ираниста В. А. Жуковского, посвященная учению секты «Ахли хакк», главный контингент которой, по словам автора, составляют курды-горани [4]. В статье приводится текст религиозных полустихий на горани (25 строк), записанных В. А. Жуковским со слов одного из представителей упомянутой секты.

В 1922 г. были изданы (посмертно) собранные В. А. Жуковским материалы по «горанскому диалекту» деревни Талахадешк (Иран). Эти материалы включают в себя небольшие по объему тексты и глоссарий [5].

Особо следует отметить фундаментальный труд французского ориенталиста Ж. де Моргана, содержащий описание курдских диалек-

тов «Персидского Курдистана» — аврамани, мукри, гарруси, йазиди, сеннаи, керманшахи, джафи, раджаби, сулеймани и лаки (с приложением карты, определяющей ареалы их распространения) [39].

Помимо грамматической характеристики диалектов, работа Ж. де Моргана содержит обширный лексический материал, отражающий основной словарный фонд перечисленных диалектов. Списки приводимых автором слов включают астрономические, метеорологические термины, названия дней недели, месяцев, времен года, явлений природы, животного и растительного мира, а также слова, обозначающие родственные отношения, части тела и т. д. — всего 40 списков, содержащих более трехсот слов одного только аврамани, что опровергает утверждения некоторых авторов последующих работ, приуменьшающих значение этого труда и исключают аврамани (близкого к горани) из числа курдских диалектов [24; 31].

Так, А. Кристенсен в предисловии к грамматике аврамани, составленной им (20 лет спустя) по материалам М. Бенедиктсена, собранным в бытность его в Персии в 1901—1902 гг., высказывает свое несогласие с Ж. де Морганом по поводу отнесения аврамани к курдским диалектам, аргументируя это следующим образом. Ссылаясь на М. Бенедиктсена, по предположению которого аврамани и сходный, по его мнению, с ним заза являют собой «изолированные островки некогда единой группы иранских диалектов, имевших когда-то широкое распространение, а впоследствии разобщенных нашествием иноземцев, главным образом экспансией курдов» [24, с. 6], А. Кристенсен уже в категоричной форме заключает: «М. Бенедиктсен весьма справедливо замечает, что аврамани имеет сходство с языком заза, на котором говорят очень далеко от Аврамана, в турецком округе Дерсим, [и] который Лерх и Юсти считают курдским. Однако ни аврамани, ни заза не принадлежат к курдскому, а относятся к другой группе иранских диалектов» [24, с. 7].

Приведенное выше предположение М. Бенедиктсена, основывающееся, по словам А. Кристенсена, на устном высказывании Ф. Андреаса по этому поводу [24, с. 8], некоторыми современными иранистами выдается за «научную гипотезу», приводимую ими в обоснование отрыва от курдского уже не только аврамани и заза, но и горани [2; 8; 10; 31].

Следует сказать, что названная грамматика А. Кристенсена основана на немногочисленных записях М. Бенедиктсена, включающих в себя семь прозаических текстов с переводом на французский (с. 76—109) и пять текстов стихотворных (с. 110—119). Запись этих текстов, как пишет сам М. Бенедиктсен, была осуществлена в пятидневный срок в гг. Сенне и Пава. При определенной значимости текстов и глоссария (с. 120—128), они не могут быть использованы для грам-

маических исследований из-за их неудовлетворительной записи и разнобоя в транскрипции. Комментарии, замечания к текстам и переводы также содержат серьезные ошибки. Объяснение этому можно усмотреть в словах М. Бенедиктсена, который пишет в своем предисловии к грамматике, что, когда по прошествии многих лет, он вновь обратился к своим материалам и сделанным к ним замечаниям, они во многом оказались ему непонятными [24, с. 6].

Некоторые сведения о грамматике горани, рассматриваемые сквозь призму персидского языка, содержатся также в статье английского автора Э. Соны «Краткая антология горанской поэзии». В ней приводятся образцы стихов из упомянутого выше рукописного дивана двадцати семи горанских поэтов — с переводом и грамматическими комментариями. Характеризуя язык публикуемых стихов (семи поэтов), Э. Сон вслед за Ч. Ръё считает его вариантом персидского языка, содержащим «заимствования как из курманджи, так и из персидского» [41, с. 59].

В 1930 г. К. Хаданк издает собранные О. Манном материалы по диалектам кандулаи, аврамани, баджалани, биваниджи, гахвараи, раджаби, саиди и зардаи, рассматриваемые авторами как разновидности горани и бездоказательно исключаемые из числа курдских диалектов [32]. Основную часть работы составляет описание диалекта кандулаи (с. 85—367). Данные о диалекте аврамани незначительны. Они содержат грамматические заметки, включающие главным образом глагольные парадигмы (с. 380—390). Тексты на аврамани представлены двадцатью семью разговорными фразами (с. 394—395). Особую ценность в работе О. Манна представляет текстовой материал по перечисленным выше диалектам.

В 1939 г. А. Кристенсен осуществляет издание материалов Ф. К. Андреаса по иранским диалектам, собранным им во время пребывания в Персии в 1875—1882 гг. [25]. Курдский материал, представленный в этой работе диалектами — гарруси, сеннаи, керманшахи, коруни и калун-абдуи, — дан в описании К. Барра.

Характеризуя эти диалекты, первые четыре из них К. Барр относит к юговостокурдским, а калун-абдуи — к северозападным курдским диалектам. Отмечая далее почти полное сходство юговостокурдских диалектов и горани (в грамматике, лексике, фонетике), К. Барр для объяснения этого, — как он считает, — «параллельного развития», ссылается на упоминавшееся выше предположение Ф. К. Андреаса, сообщенное А. Кристенсеном в его книге по аврамани, согласно которому: «Курдские кочевники вторглись с Запада в старую горанскую область. Курды нашли здесь автохтонное население, и их дальнейшее языковое развитие подверглось влиянию диалектов горани этого населения» [25, с. 111—112].

Между тем, языковые факты указывают на материальную и системную близость юговостокурдских диалектов не только с горани, но еще больше с диалектами группы «сорани». К ним относятся: формы личных энклитических местоимений 3-го л. ед. ч. и мн. ч. *-î* и *-yan* (ср. тж. в сорани и *-ş*, *-şan* в горани), личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. *îme*, *îwe* (ср. *ême*, *êwe* в горани и сорани); личные окончания презенса 1 л. мн. ч. *-îm* (тж. в горани) и *în* (тж. в сорани); причастия на *-e* (тж. в горани) и окказиально *-ig* (тж. в сорани); пассив на *-r-* наряду с пассивом на *-ya*, общим с горани; модальные префиксы *de-*, *-e* (тж. в сорани); глухой вариант префикса длительности *ti-* для глагола *hat* 'приходить', свойственный севернокурдским диалектам; показатели неопределенности *-êk*, *-î* (в сорани *-ê*, *êk*, в горани *-ê*, *-êk*, *-êw(e)*); предлог *ega* со значением направления (ср. с глагольной приставкой *era-* в аврамани); предлог *e* (ср. с энклитическим предлогом *-e* в сорани и — предлогом *ew* в горани — с тем же значением) и т. д.

В 1943 г. публикуется известная статья выдающегося русского ориенталиста В. Ф. Минорского «Гураны» («Гораны») [33]. Большая часть этой статьи посвящена анализу названия «гуран» («горан»), которое, по мнению автора, «принадлежит значительному племени, населяющему горные северные районы по пути Багдад-Керманшах...» [33, с. 75].

Касаясь вопроса о статусе языка горанов в свете бытовавшей тогда «гипотезы Андреаса», В. Ф. Минорский воздерживается от окончательного вывода, указывая на необходимость дальнейшего изучения прикаспийских и центральных диалектов Ирана, к которым некоторые авторы пытались притянуть курдские диалекты горани и заза. В связи с этим, В. Ф. Минорский ссылается на О. Манна, который, как он замечает, «еще в 1906 г. был готов видеть в горанийских диалектах потомков древнемидийского языка, а спустя три года горани и заза были определены им как центральные диалекты [33, с. 89].

Статья содержит также обзор письменной литературы на горани — религиозной, эпической и лирической. Заключает статью текст (с транскрипцией и английским переводом) весьма популярной в Курдистане элегии (на смерть жены) известного курдского поэта Ахмад-бека Комаси.

За статьей В. Ф. Минорского в 1956 г. последовала статья английского ираниста Д. Н. Маккензи, содержащая образцы лирической поэзии на горани (с транскрипцией и переводом). Однако, в отличие от В. Ф. Минорского, автор данной статьи без какой-либо аргументации преподносит горани как самостоятельный язык [28].

Следующий значительный шаг в изучении горани представляют собой труды уже упоминавшегося выше М. Мукри. В 60—80-е годы он публикует серию рукописных памятников религиозного содержа-

ния [35—38]. Тексты памятников сопровождаются транскрипцией, переводом (на французский), грамматическими комментариями и глоссарием. Эти публикации знаменуют собой новый этап в освоении горани и созданной на этом диалекте письменной литературы.

В 1963 г. в журнале «Народы Азии и Африки» была опубликована еще одна статья Д. Н. Маккензи (в переводе на русский язык), где уже не только горани, но и диалект заза противопоставляются курдскому языку — на основании всего лишь трех историко-фонетических признаков, — подкрепляемых к тому же, пресловутой идеей «горанийского субстрата» в курдском языке [8]. Таким образом «гипотеза Андреса», практически сформулированная и введенная в иранистику А. Кристенсеном, но не подтвержденная ни исторически, ни лингвистически, была привнесена и в отечественную науку. Эта точка зрения Д. Н. Маккензи, хотя и была принята некоторыми иранистами [2; 10; 18], получила обоснованную критику со стороны как зарубежных, так и российских специалистов по курдскому языку, показавших несостоятельность выдвинутых автором доводов [6; 13; 22; 42].

В 1966 г. была издана книга Д. Н. Маккензи с описанием локального варианта аврамани, рассматриваемого автором как разновидность горани [31]. Во введении к работе (с. 3—4) Д. Н. Маккензи высоко оценивает материалы М. Бенедиктсена и О. Манна по аврамани, хотя и признает, что первая публикация в этой области содержащая, по его мнению, «незначительные записи», принадлежит Ж. де Моргану.

Характеризуя аврамани как «остров в курдском море» обладающий чертами «среднеиранского диалекта» («Middle Iranian dialect»), автор тем самым представляет его как самостоятельный диалект [31, с. 3]. С подобным определением статуса аврамани, не имеющим сколько-нибудь серьезного обоснования, нельзя согласиться. Этот диалект и территориально, и лингвистически, и этнически входит в курдоязычный ареал. Носителей аврамани и соседствующих с ним диалектов связывают общекурдские исторические и культурные традиции.

Собственно лингвистическая часть работы Д. Маккензи, представляющая собой описание современного аврамани, является ценным вкладом в курдскую диалектологию.

В 1992 г. в Санкт-Петербургском университете автором настоящей монографии была защищена докторская диссертация, посвященная исследованию языка литературных памятников на горани [23]. Во введении к работе подробно описывается современное состояние курдской диалектологии, анализируются существующие классификации курдских диалектов. Результаты исследования (наряду с ранее опубликованными материалами) позволили автору предложить сле-

дующую классификацию диалектов — Севернокурдские: 1) курманджи; 2) заза. Южнокурдские: 1) сулеймани, сорани, мукри, условно объединяемые термином «сорани»; 2) горани, аврамани, баджалани кандулаи и, возможно, другие, также условно объединяемые названием «горани»; 3) керманшахи, сennai, гарруси, коруни, известные как «юговосточнокурдские». Это деление основано на совокупности языковых данных в плане их сходств и различий. По последним данным, «юговосточнокурдские» диалекты в большей мере сближаются с диалектами группы «сорани» [14, с. 5].

В 1997 г. был опубликован очередной том «Основ иранского языкознания», где горани (со ссылкой на труды М. Бенедиктсена, А. Кристенсена, О. Манна, К. Хаданка, Д. Н. Маккензи) представлен как язык некоего «народа гурани» [10]. В то же время, противореча себе, автор грамматического очерка горани Л. А. Пирейко пишет на с. 145, что вопрос о статусе горани пока окончательно не решен, поскольку, — якобы, — еще не определены экстралингвистические факторы в отношениях горани и курдского языка, обнаруживая тем самым полную неосведомленность в вопросах курдской диалектологии, истории и культуры курдов. Здесь уместно привести высказывание известного английского ориенталиста С. Дж. Эдмондса, автора серьезных работ по истории и языку курдов: «Европейские авторитетные специалисты, — писал он, — обычно считают, что горани — не курдский язык и те, кто говорит на нем, — не курды; однако сами люди чувствуют себя курдами во всех отношениях» [3, с. 29].

В очерке необъективно излагается история изучения горани, умалчивается существование противоположной точки зрения; полностью игнорируются труды курдских и российских специалистов по данной проблеме. Автор очерка искажает данные источников, к которым обращается. Так, например, известному курдскому историку XVI в. Шараф-хану Бидлиси (без ссылки на источник) приписывается употребление термина «народ» в отношении горанов [10, с. 144]. На самом же деле Шараф-хан писал, что курды делятся на четыре группы — это курманджи, луры, калхоры и гораны [20, с. 82]. Далее на с. 145 автор, ссылаясь на работы В. Ф. Минорского и Д. Н. Маккензи, пишет, что литература на горани была создана в XVIII—XIX вв. при дворе Ардаланских правителей. Между тем, в указанной работе Д. Маккензи сведения о литературе вообще отсутствуют. Нет этого и в статье В. Ф. Минорского.

Содержание грамматической части очерка свидетельствует о том, что здесь автор фактически дает описание диалекта аврамани по упомянутой выше работе Д. Н. Маккензи [31].

Как следует из приведенного выше обзора литературы, те авторы, которые отрывают горани (аврамани) от курдского языка, основыва-

ются на поверхностном сопоставлении этого диалекта либо с персидским языком, либо с диалектом заза, который также бездоказательно объявляется некурдским. При этом, неоспоримое сходство горани (и заза) с другими курдскими диалектами объясняется все той же не подтвержденной версией о «субстрате».

Заслуживает внимания тот факт, что ни один из сторонников идеи «субстрата» не исследовал собственно горани, который неправомерно подменялся диалектом аврамани. Как, однако, показали результаты проведенного нами исследования, эти диалекты, несмотря на большое сходство в грамматике и лексике, далеко не идентичны. Аврамани имеет ряд черт, существенно отличающих его от горани. Поэтому, с учетом синхронного состояния этих диалектов, их правомерно рассматривать как диалекты одной группы, включающей и другие близкие им диалекты (кандулаи, баджалани и др.).

Что касается отмеченного авторами сходства аврамани с заза, то оно может быть объяснено общей для этих диалектов языковой основой, хотя по основным грамматическим признакам заза, безусловно, относится к северным диалектам курдского языка [14]. Здесь следует сказать, что единой точки зрения на состав и классификацию курдских диалектов пока еще не сложилось. На сегодняшний день исследователями (как курдскими, так и европейскими) признается существование нескольких диалектных групп курдского языка. Однако в отношении группирования диалектов и используемой при этом терминологии мнения ученых расходятся [21, с. 10–11]. Терминологический разнобой отчасти вызван тем, что в одних случаях диалекты классифицируются по географическому признаку, в других — по названию племени и даже — по конфессиональной принадлежности, или смешиваются все указанные признаки. Главной же причиной остается недостаточная изученность части южнокурдских диалектов, имеющих распространение на территории Иранского и Иракского Курдистана.

В предлагаемой работе мы исходим из положения о существовании курдского языка на современном этапе в двух основных разновидностях — северной и южной, образующих соответственно две диалектные группы. Данное деление базируется на совокупности фонетических, грамматических и лексических признаков, характеризующих каждую из групп. По этим признакам, как показали результаты проведенного исследования, горани четко примыкает к южным диалектам курдского языка.

Источники и материалы

Материалом для исследования грамматической системы горани послужили изданные иракскими учеными диваны четырех курдских поэтов — Вали-Девана, Маулави, Ранджури, Джафаи и поэма «Ширин и Хусрав» Ханай Кубади. В каждом из этих изданий содержится введение (включающее в себя биографические данные о поэтах, анализ их произведений), а также — глоссарий с эквивалентами на сорани. Язык исследованных памятников в целом нормирован, хотя каждый из них имеет свои особенности (в орфографии, отчасти в лексике и, в меньшей степени, в морфологии). Во всех памятниках зафиксированы варианты формы, свидетельствующие, возможно, о состоянии языка на определенном переходном этапе его развития. Памятники изданы в современной орфографии, что во многом облегчает прочтение и понимание текста.

Диван Вали-Девана (объемом в 97 с.), изданный курдским филологом Усманом Аврами, составлен по рукописным материалам из личного собрания Мала Самина, родственника поэта, долгие годы занимавшегося сбором его стихов. Часть из них, по словам издателя, была опубликована еще в 1892 г. Существует еще одно издание Дивана Вали-Девана (1970 г.), которое, однако, по мнению специалистов, содержит много текстологических неточностей, в связи с чем и появилась необходимость в новом издании сборника [48]. Точные даты жизни поэта неизвестны, хотя по косвенным данным Вали-Девана, выходец из рода Камалаи (племени джафов), жил и творил в XVIII в. Ушел из жизни в 1213 г. х., о чем свидетельствуют написанные на смерть поэта стихи его современника — Ранджури [45, с. 24].

Диван Ранджури (подлинное имя поэта — Мала Омар Зангана), как пишет его издатель Мухаммад Али Карадахи, включает в себя не все творческое наследие поэта, значительная часть которого безвозвратно утеряна. Настоящий диван (260 с.) составлен по рукописям известного литературоведа (основателя курдской школы в области текстологии) Мала Карима Мудариса, а также — по рукописям из коллекции самого издателя дивана. Данные о жизни поэта весьма скудны. Известно лишь, что происходил он из племени зангана. Родился в 1164 г. х. Датой смерти поэта считается 1222 г. х. Между тем, как следует из содержания одного из стихотворений Ранджури, датированного 1224 г. х., поэт в указанном году был еще жив, но уже страдал тяжелым недугом [45, с. 6–7]. Прекрасный знаток курдской поэзии — Ранджури — был широко известен в литературных кругах своего времени. Об этом свидетельствуют многочисленные стихотворные послания и посвящения поэта своим современникам, занимающие основную часть его дивана.

Диван Маулави (1806—1882) — крупнейшего курдского лирика XIX в. — издан уже упоминавшимся выше знатоком восточной классической литературы — Мала Каримом Мударисом, который более тридцати лет занимался сбором и изучением творческого наследия поэта (его настоящее имя — Абдурахим Саид Тавагози). Данное издание, подготовленное по рукописям из личных собраний Тахира Хашими (ученый-богослов) и Хасана Фахми Джафа (известный курдский общественный деятель), содержит критический текст и обширный историко-литературный комментарий [44]. В предисловии к Дивану приводится много интересных сведений о жизни Маулави, значительная часть которой была связана с Ардаланским эмиратом. По словам Анвара Кадыра Мухаммада, исследовавшего лирику Маулави, — это один из самых больших поэтических диванов (543 с.), состоящий из 2528 бейтов [1].

Наиболее репрезентативный из всех доступных нам памятников на горани, Диван Маулави уникален и в языковом отношении. Текст Дивана, сохраняющий множество архаичных форм, отличается широкой вариативностью языковых элементов, представляющих собой особую ценность для истории языка. Чрезвычайно богат и словарный фонд Дивана, включающий традиционно-классическую и суфийскую лексику.

Диван Джафай (196 с.), изданный известным филологом — Мухаммадом Али Карадахи, составлен по рукописи, принадлежащей ученику поэта — Мала Фатаху Кагирдали [43]. Даты жизни поэта точно не установлены. Косвенные данные позволяют говорить о том, что Джафай (подлинное имя поэта — Шейх Абдулла Шейх Хама Амин Абабайлаи) жил на рубеже XIX—XX вв. и был одним из последних поэтов, писавших на горани. В связи с этим заметим, что свертывание литературы на горани началось с падения Ардаланского эмирата (середина XIX в.). Но в то же время происходило усиление соседствовавшего с Ардаланом Бабанского эмирата (столица — г. Сулеймания), куда и был перемещен центр литературной жизни южных курдов [15, с. 36].

Сочинение «Ширин и Хусрав» Ханай Кубади (XVIII в.) представляет собой переложение с персидского языка на курдский одноименной поэмы Низами Ганджеви [51]. Издание этого грандиозного труда (870 с.) осуществил известный литературовед Мухаммад Мала Карим — при большой поддержке Курдской Академии наук Ирака.

В основу издания положен критический текст, составленный по двум рукописям. Одна из них, датируемая прошлым веком, принадлежала иранскому ученому Ахмад-беку (из Аврамани Лухон), другая — некоему филологу из Сулеймании — Как-Фаллаху.

О жизни и творчестве Ханай Кубади мало что известно. Некоторые сведения о поэте приводит Анвар Кадир Мухаммад, который пишет со ссылкой на издателя поэмы: «Дошедшее до нас поэтическое наследие Ханай Кубади свидетельствует о том, что это был человек большой эрудиции и с душой бунтаря. Поэзия Ханай Кубади сложна и философична, в ней достаточно четко излагаются теоретические догмы ислама» [1, с. 44]. Ханай Кубади упоминается и в названной выше статье В. Ф. Минорского, где он пишет, что хотя поэт и принадлежал к племени джафов, поэма его написана на горани. По мнению В. Ф. Минорского, это, возможно, объясняется тем, что горани в то время использовался в качестве литературного языка [33, с. 93]. Данное предположение подтверждается словами самого поэта, который пишет в вводной части к поэме, что свое произведение он создал на курдском языке «всего Курдистана», сделав его достоянием курдского народа [51, с. 15]. Комментируя эти слова поэта, Мала Карим справедливо замечает, что под «всем Курдистаном» Ханай Кубади, должно быть, имел в виду Восточный Курдистан, где в то время горани играл роль литературного языка. А в Северном и Западном Курдистане в это же время в качестве литературного языка выступал диалект курманджи [51, с. 15]. К сказанному следует добавить, что на горани в тот период писали свои произведения не только джафские поэты, но и представители других курдских племен (зангана, хамаванди и др.). Это также говорит о том, что горани имел статус литературного языка. Об этом, наконец, свидетельствуют и данные самих памятников, характеризующихся идентичностью языка и отсутствием в их грамматическом строе и лексике каких-либо существенных различий.

В заключение заметим, что работа над памятниками была сопряжена с определенными трудностями, обусловленными не только сложностью самой грамматической системы горани, но и отсутствием соответствующих словарей, а также контактов с носителями этого диалекта. Пониманию текста памятников, отличающихся высоким поэтическим искусством и исключительно сложной образной системой, во многом помогли комментарии к текстам и приложенные к ним глоссарии. При осмыслении тех или иных грамматических форм мы постоянно обращались к изданиям М. Мукри, а также к работе Д. Н. Маккензи по диалекту аврамани.

Большая помощь при проверке и уточнении переводов была оказана нам Анваром Кадыром Мухаммадом, признанным знатоком поэзии на горани. Пользуясь случаем, приношу своему коллеге искреннюю признательность. Выражаю глубокую благодарность и всем, кто своей поддержкой, советами и замечаниями помог выполнить настоящую работу.

Summary

Z. A. Yusupova

THE KURDISH DIALECT GORANI as represented in the literary monuments from XVIII—XIX centuries

This work presents a systemic description of *Gorani*, a Kurdish dialect, which had been used for several centuries as a literary language in Eastern Kurdistan. Diverse religious, epic and lyric masterpieces constitute the rich *Gorani* literature. *Gorani* poetry had been flourishing in the mighty Kurdish principedom of *Ardalan* (XII—XIX centuries). Major masterpieces of the XVIII—XIX centuries *Gorani* literature had been chosen here for analysis: the divans of four famous poets — Wali Dewana, Mawlawi, Ranjuri and Jafai — and Khanai Kubadi's romantic poem "Shirin and Khusraw".

The book has sections about phonetics, morphology and syntax and also includes a *Gorani*-Russian glossary. Some special problems are dealt with in the Conclusion. The detailed introduction contains the history of *Gorani* studies in Europe and in Kurdistan as well as an analysis of the position of *Gorani* among other Kurdish dialects; the problem of including *Gorani* into the continuum of Kurdish dialects has been investigated in the most thorough way, which resulted in refuting the opinion of those scholars who consider *Gorani* to be a non-Kurdish idiom and try to prove this by using only data of historical phonetics. That is neither convincing nor sufficient, the problem cannot be solved without taking into consideration grammatical and lexical data, without a general evaluation of the linguo-geographical structure of contemporary Kurdish, and without regarding the ethnical identity of the dialect speakers: the *Gorans* are profoundly convinced to be Kurds and to speak a Kurdish dialect; they have a common literary tradition with speakers of other Kurdish dialects. Our investigation leads to an incontestable conclusion: *Gorani* has an obvious Kurdish grammatical structure, being a southern Kurdish dialect it has special features, which relate it to the mentioned dialect group; however, it also has much in common with northern dialects (*Kurmanji*), and at the same time regarding its main morphological features, *Gorani* is nearer to the contemporary literary *Sulaimani*, which is a Southern Kurdish dialect.

Our research permits to refute the theory, which regards *Awromani* as a variety of *Gorani*. Though these dialects are very similar, many morphological features noticeably distinguish *Awromani* and *Gorani*.

The data also show that it is erroneous to combine *Awromani* and *Zaza* into one dialect unity. The main grammatical features connect *Awromani* with the southern Kurdish dialects, whereas *Zaza* is definitely a northern dialect.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авр.	— аврамани	перен.	— переносно
араб.	— арабский	перс.	— персидский
возвр.	— возвратный	предл.	— предлог
гл.	— глагол	сл.	— следующий
гор.	— горани	сор.	— сорани
ед. ч.	— единственное число	ср.	— сравни
ж. р.	— женский род	тж.	— также
и. д.	— имя действия	указ.	— указательный
крм.	— курманджи	част.	— частица
курд.	— курдский	DC	— <i>Dîwanî Cefayî ...</i>
межд.	— междометие	DM	— <i>Dîwanî Mewlewî ...</i>
местоим.	— местоимение	DR	— <i>Dîwanî Rencûrî ...</i>
мн. ч.	— множественное число	DW	— <i>Welî Dêwane ...</i>
назв.	— название	XQ	— <i>Qubadî Xana ...</i>

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анвар Кадыр Мухаммад. Лирика курдского поэта XIX века Маулави. Канд. дис. Л., 1986.
2. Асатрян Г. С. О ранних арменизмах в курдском // Историко-филологический журнал. Ереван, 1986. № 2 (113)..
3. Васильева Е. И. Юго-Восточный Курдистан в XVII—XIX вв. М., 1991.
4. Жуковский В. А. Секта «Людей истины» — Ahl-i hakk в Персии // ЗВОРАО. 2 (1887), 1888, с. 1—24.
5. Жуковский В. А. Материалы для изучения персидских наречий. Ч. 2. Петроград, 1922.
6. Курдоев К. К. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978.
7. Курдоев К. К., Юсупова З. А. Курдско-русский словарь сорани. М., 1983.
8. Маккензи Д. Н. Курманджи, курди и гурани // НАА. 1963. № 1, с. 162—170.
9. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. Изд. 2-е, дополненное. Составитель И. М. Стеблин-Каменский. М., 1988.
10. Пирейко Л. А. Гурани // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. Москва, 1997.
11. Руденко М. Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.
12. Руденко М. Б. Курдская литература XVII века // НАА. 1971. № 3, с. 93—105.
13. Смирнова И. А., Эйюби К. Р. К вопросу о диалектном составе курдского языка // Лингвистические исследования. М., 1986.
14. Смирнова И. А., Эйюби К. Р. Курдский диалект заза. М., 1998.
15. Хазнадар. Очерк истории современной курдской литературы. М., 1967.
16. Хамоян М. У. Язык бахдинанских курдов Иракского Курдистана. // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Курдоведение. Ереван, 1975, с. 273—382.
17. Хуршид Эфенди, Чирков Е. И. // Сборник географических, топографических и статистических материалов. Вып. IV, СПб., 1883, с. 82.
18. Цаболов Р. Л. Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978.
19. Цукерман И. И. Хорасанский курманджи. М., 1986.
20. Шараф-хāн Бидлйсь. Шараф-наме. Т. 1 (перевод с персидского Е. И. Васильевой). М., 1967, с. 82.
21. Юсупова З. А. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1985.
22. Юсупова З. А. О диалектном составе курдского языка // Историко-филологический журнал Академии наук Армении. Ереван, 1990. № 3 (130), с. 164—170.
23. Юсупова З. А. Курдский диалект горани по литературным памятникам XVIII—XIX вв. Автореф. докт. дис. СПб., 1992.
24. Christensen A. Les dialectes d'Awromān et de Pāwā. Textes recueillis par Åge Meyer Benedictsen, revus et publiés avec des notes et une esquisse de grammaire. København, 1921.
25. Christensen A. und Barr K. Aufzeichnungen über kurdische Dialekte (Gārrūsī, Sennāi, Kermānšāhī, Korūnī und Kālūn-Abdūi) // Iranische Dialektaufzeichnungen aus dem Nachlass von F. C. Andreas. B., 1939, с. III-487.
26. Kurdische Handschriften. Beschrieben von Kamal Fuad. Wiesbaden, 1970.
27. MacKenzie D. N. Bājalānī // BSO(A)S. Vol. XVIII. P. 3, 1956, с. 418—435.
28. MacKenzie D. N. Some Gorānī Lyric Verse // BSO(A)S. Vol. XXVIII. P. 2, 1956.
29. MacKenzie D. N. The Origins of Kurdish // Transactions of the Philological Society. L., 1961, с. 68—86.
30. MacKenzie D. N. Kurdish dialect Studies. Vol. II. L., 1962, с. 123.
31. MacKenzie D. N. The Dialect of Awroman (Hawrāmān-i Luhōn). København, 1966.
32. Mann O., Hadank K. Mundarten der Gūrān // Kurdisch-Persische Forschungen. Abt 3. Bd. 2. B., 1930.
33. Minorsky V. The Gūrān // BSO(A)S. Vol. XI, 1943—46, с. 75—103.
34. Mokri M. La légende de Bīžan-u Manīja. Version populaire du Sud du Kurdistan en langue gouranie... Texte établi, introduction, traduction, thèmes folkloriques, notes linguistiques et glossaire. P., 1966.
35. Mokri M. Le Chasseur de Dieu et le mythe du Roi-Aigle (Dawra-y Dāmyārī). Texte établi, traduit et commenté avec une étude sur la chasse mystique, le temps cyclique, et des notes linguistiques. Wiesbaden, 1967.
36. Mokri M. Le «Secret indicible» et «La pierre Noire» en Perse, dans la tradition des Kurdes et des Lurs Fidèles de Vérité (Ahl-i Haqq). Appendice: Dawra-y Wazāwar, texte gourani, traduction, commentaires, notes et glossaire — et d'autres textes secrets et inédits. P., 2-e ed. 1968.
37. Mokri M. Cycle des fidèles compagnons à l'époque de Buhlūl (études d'hé-résiologie islamique et de thèmes mythico-religieux iraniens). Appendice: Dawra-y Buhlūl (texte gourani établi, traduction, notes et commentaires). P., 1974.

38. M o k r i M. La grande assemblée des Fidèles de Vérité au tribunal sur le mont Zagros en Iran (Dawra-y Dîwāna-Gawra). Livre secret et inédit en gourani ancien. Texte critique, traduction, introduction... P., 1977.
39. M o r g a n J. de. Études linguistiques. Dialectes kurdes, langues et dialectes du Nord de la Perse // Mission scientifique en Perse. T. 5. P., 1904.
40. R i e u Ch. Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum. Vol. 2. L., 1881.
41. S o a n E. B. A Short Anthology of Guran Poetry // JRAS. I. 1921.
42. W a h b y T. The Origins of Kurds and their language // "Kurdistan", 1964, № IX, X.

Источники на курдском языке

43. Dîwanî Cefayî. Kokirdinewe u lêkolînewey Muhemmed 'Elî Qeredaxî. Beḫda, 1980.
44. Dîwanî Mewlewî. Kokirdinewe u lêkolînewe u lêkdanewey Muhemmed 'Ebdul Kerîm Muderîs. Beḫda, 1961.
45. Dîwanî Rencûrî. Lêkolînewey Muhemmed 'Elî Qeredaxî. Beḫda, 1983.
46. Dîwanî Seîdî. Kokirdinew e u şîkirdinewey Muhemmed Emîn Kardoxî. Silêmanî, 1971.
47. Hewramanî Muhemmed Emîn. Zarî zimanî kurdî be tirazûy berawurdda. Beḫda, 1981.
48. Hewramî 'U s m a n. Jîan u beserhat u hunrawey Welî Dêwane. Beḫda, 1976.
49. Komele şe'ri Feqê Qadirî Hemewend. Ebdul Kerîm Muderîs. Beḫda, 1980.
50. Muhemmed Enwer Qadir. Lîrikay şa'îrî gewrey kurd Mewlewî — 1806—1882. (Be dîalêktî goranî) Stockholm, 1990.
51. Q u b a d î X a n a. Şîrîn u Xusrew. Muhemmed Meîa Kerîm. Beḫda, 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. Сведения о фонетике	16
ГЛАВА II. Морфология	20
Имя существительное	20
Имя прилагательное	32
Именное словообразование	35
Местоимение	39
Личные местоимения	39
Энклитические местоимения	40
Возвратные местоимения	44
Указательные местоимения	46
Вопросительные местоимения	49
Неопределенные местоимения	51
Отрицательные местоимения	52
Определительные местоимения	52
Количественные местоимения	55
Числительное	57
Предлоги и послелоги	58
Простые предлоги	59
Сложные предлоги	69
Отыменные предлоги	78
Наречие	83
Глагол	84
Словообразование глагола	84
Простые глаголы	84
Приставочные глаголы	84
Суффиксальные глаголы	85
Сложноименные глаголы	86

Морфология глагола	89
Глагольные основы	89
Залог	98
Неспрягаемые формы глагола	99
Личные глагольные показатели	101
Глагол-связка	102
Глагол 'быть', 'становиться'	103
Глагол 'иметься', 'существовать'	104
Образование и функционирование глагольных форм	105
Служебные слова (союзы, частицы, междометия)	113
ГЛАВА III. Синтаксис. Основные сведения о структуре предложения	115
Конструкция с непереходным глаголом	115
Конструкция с переходным глаголом в прошедших временах	116
Каузативная конструкция	119
Пассивная конструкция	120
Посессивная конструкция	121
Связочное предложение	125
Сложное предложение	127
Сложносочиненное предложение	127
Сложноподчиненное предложение	129
ГЛОССАРИЙ	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	154
SUMMARY	158
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	159
БИБЛИОГРАФИЯ	160

CONTENTS

INTRODUCTION	5
CHAPTER I. About phonetics	16
CHAPTER II. Morphology	20
Substantive	20
Adjective	32
Nominal derivation	35
Pronoun	39
Personal pronouns	39
Enclitic pronouns	40
Reflexive pronouns.	44
Demonstrative pronouns.	46
Interrogative pronouns	49
Indefinite pronouns.	51
Negative pronouns	52
Attributive pronouns	52
Quantitative pronouns.	55
Numeral	57
Prepositions and postpositions	58
Simple prepositions	59
Compound prepositions	69
Nominal prepositions	78
Adverb	83
Verb	84
Verbal derivation	84
Simple verbs.	84
Verbs with prefixes	84
Verbs with suffix <i>-ewe</i>	85
Compound nominal verbs.	86

Verbal morphology	89
Verbal bases	89
Voice	98
Non-finite verbal forms	99
Verbal personal markers	101
The Copula	102
The verb 'to be', 'to become'	103
Existential verb	104
The formation and functioning of verbal forms	105
Link-words: conjunctions, particles and interjections	113
CHAPTER III. Syntax: the sentence structure	115
The construction with intransitive verbs	115
The construction with past tense transitive verbs	116
The causative construction	119
The passive construction	120
The possessive construction	121
The nominal sentence with a copula	125
The compound sentence	127
Parataxis	127
Hypotaxis	129
GLOSSARY	134
CONCLUSION	154
SUMMARY	158
ABBREVIATIONS	159
BIBLIOGRAPHY	160

З. А. Юсупова

КУРДСКИЙ ДИАЛЕКТ ГОРАНИ
ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ПАМЯТНИКАМ XVIII—XIX ВВ.

Утверждено к печати Ученым советом СПб ФИВ РАН

Технический редактор *О. В. Шакиров*
Компьютерный набор *Г. А. Няшина*

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г. Сдано в набор 01.06.98. Подписано к печати 21.10.98. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10^{1/2}. Тираж 300 экз. Тип. зак. № 127

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
ЦОП СПГУ, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6